

18+

И. С. Бурикова

А. Л. Катков

**Психологическая безопасность,
эффективности и качество
психотехнологической
деятельности в Российской
Федерации**

**А. Катков
И. Бурикова**

Психологическая безопасность, эффективности и качество психотехнологической деятельности в Российской Федерации

*<https://litres.ru/74588533>
ISBN 9785007133494*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В книге приводится комплексное обоснование Национальной стратегии «Обеспечение психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности в Российской Федерации на период 2026—2030 гг. Анализируются существенные социальные

дивиденды вследствие утверждения и реализации планируемых организационных и нормативных новаций. Книга полезна для специалистов психотехнологического, социального и управленческого профиля.

Содержание

Вводная информация	7
Раздел I. Научные достижения и скоординированная внутренняя политика как основа национальной стратегии «Обеспечение психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности в Российской Федерации на период	15
1.1. Актуальный контекст и особенность внутренней политики в условиях Новейшего времени	15
1.2. Научные достижения в сфере индивидуальной и социальной психологической устойчивости, психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности	21
1.2.1. Предметность научного обоснования, учитываемая в целеполагании представляемых проектных документов	23
1.2.2. Проблемные области и научные достижения в секторе наук о психике фундаментального уровня	30

1.2.3. Проблемные области и научные достижения в секторе наук о психике прикладного уровня	38
1.2.4. Проблемные области и научные достижения в секторе наук о психике технологического и инструментального уровня	58
1.2.4.1. Достижения в сфере систематики, классификации, обеспечения безопасности и эффективности психотехнологической деятельности	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

**Психологическая
безопасность,
эффективности и качество
психотехнологической
деятельности в
Российской Федерации**

**И. С. Бурикова
А. Л. Катков**

© И. С. Бурикова, 2026

© А. Л. Катков, 2026

ISBN 978-5-0071-3349-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вводная информация

Наиболее серьезные угрозы и вызовы Новейшего времени — гибридные, информационные, когнитивные войны, ведущиеся с нарастающей интенсивностью — так или иначе затрагивают все население планеты. В частности и в особенности данные угрозы и вызовы касаются населения Российской Федерации, против которого, в рамках развязанной гибридной войны, действуют «лучшие силы» ментальной агрессии коллективного Запада.

И далее, нет никаких сомнений в том, что психологическая безопасность населения России является важнейшим стратегическим ресурсом, который, в итоге, обеспечивает возможность эффективного противодействия внешним угрозам, но также — форсированного развития гуманитарного, экономического и технологического потенциала страны в условиях агрессивной среды.

В самые последние годы содержательные аспекты и приоритетные акценты в понятии психологической безопасности человека, группы, общества претерпели существенную трансформацию. В традиционных определениях понятия психологической безопасности долгое время доминировал «охранительный» подход: безопасность трактовалась как отсутствие угроз или состояние защищенности.

Современная реальность делает эту модель несостоятель-

ной. Агрессивное воздействие среды стало не эпизодическим фактором, а перманентным фоном существования. В данной связи, в современном мире психологическая безопасность понимается как состояние человека, группы или общества, характеризующееся способностью сохранять целостность идентичности, критическое мышление, функциональность и способность к развитию в условиях перманентного агрессивного воздействия среды (информационного, социального, психологического), достигаемое за счет устойчивости, сформированных внутренних ресурсов и адаптивных стратегий, позволяющих не только противостоять угрозам, но и использовать кризисные ситуации как возможность для укрепления.

То есть, речь идет о качественных характеристиках индивидуального и социального психического здоровья, высокий уровень развития которых обеспечивает максимальную психологическую устойчивость к агрессивному влиянию среды, в то время как низкий уровень развития — является главным фактором риска формирования тяжелых кризисных состояний со всеми, выводимыми отсюда, негативными последствиями для человека и общества в целом.

Масштабные репрезентативные исследования, проводимые в последние десятилетия, демонстрируют тесную взаимозависимость качественных характеристик психического здоровья человека, группы, общества — т. е. сущностными факторами, обеспечивающими психологическую без-

опасность — с рисками вовлечения в деструктивные социальные эпидемии Новейшего времени (химическая, деструктивная психологическая зависимость; панические реакции в связи с вирулентными вирусными инфекциями; так называемые «политические» эпидемии, связанные с распространением очевидно вредоносной информации и проч.).

Во многих регионах мира, в том числе в Российской Федерации отмечается крайне неблагоприятная тенденция прогрессивного снижения уровней качественных характеристик психического здоровья населения — особенно у представителей восходящего поколения (дети, подростки, молодежь). При том, что в самые последние годы повсеместно фиксируется беспрецедентная динамика возрастания степени агрессивности информационной среды. Соответственно, такими же темпами растет количество лиц с признаками деструктивной психологической, в частности цифровой зависимости.

В частности, о негативных тенденциях в динамике качественных характеристик психического здоровья свидетельствуют следующие статистические данные.

Наряду с общемировыми тенденциями роста психических заболеваний, имеющих преимущественно биологические причины (неблагоприятные генетические процессы в популяции и проч.), практически повсеместно, в том числе и в Российской Федерации, отмечается опережающий рост распространения относительно более легких форм психической патологии — ситуационно обусловленных депрессив-

ных, тревожных, обсессивно-компульсивных, стрессовых, психосоматических расстройств, признаков эмоционального выгорания, хронической усталости и проч.

По данным сборника Росстата «Здравоохранение в России», за период с 2020 по 2024 год первичная заболеваемость психическими расстройствами в целом выросла на 18%. Основной вклад в рост внесли именно расстройства непсихотического характера. Что напрямую влияет на трудоспособность, демографию, качество жизни и экономику.

По данным Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2030 года, с 2010 по 2024 год в России более чем в 5,5 раза выросло число граждан, зависящих от неизвестных психоактивных стимуляторов. Также в четыре раза возросло число лиц, страдающих наркоманией и полинаркоманией, подразумевающей одновременное потребление нескольких видов запрещённых веществ. Ежегодно правоохранительные органы фиксируют около 200 тыс. преступлений, связанных с оборотом наркотиков. В 2024 году от отравления наркотиками погибли почти 8 тыс. человек.

Динамика распространения психологической (компьютерной, цифровой) зависимости в России характеризуется ростом числа людей, признающих у себя симптомы такого состояния, особенно в молодёжной среде. По результатам репрезентативных опросов в 2024 году 47% экономически активных россиян признались, что в той или иной мере зависимы от гаджетов и интернета (для сравнения: тремя го-

дами ранее этот показатель составлял 42%). При этом возрастные различия следующие: чем моложе респонденты, тем чаще они отмечают у себя симптомы зависимости. Например, в 2024 году среди участников опроса моложе 34 лет 59% признали у себя факт в цифровой зависимости. Процесс вовлечения в деструктивную психологическую зависимость всё чаще связывают с глубинными психологическими факторами — низкой осмысленностью жизни, неуверенностью в себе, тревогой.

По результатам масштабных репрезентативных исследований, проведенных в последние годы, есть все основания полагать, что истинной причиной такой негативной динамики является, в целом, низкий, а еще и прогрессивно снижающийся уровень качественных характеристик психического здоровья населения, которые и обеспечивают устойчивость человека, группы, общества к агрессивному воздействию среды (например, расстройство, известное как «эмоциональное выгорание», трактуется авторами Международной Классификации Болезней 10-го пересмотра как «неумение справляться с хроническим рабочим стрессом»).

Вместе с тем, следует отметить сохраняющуюся ориентацию действующих в Российской Федерации медицинских моделей на биологические аспекты расстройств психики и поведения, в то время как психогигиенические (т. е. ориентированные на развитие психологической устойчивости человека, группы, общества к агрессивным воздействиям сре-

ды) факторы остаются на периферии внимания профессионального сообщества и социума в целом.

Все высказанное указывает на необходимость оперативной переориентации фокуса внимания действующих социальных институтов (государственных и общественных) на сектор психогигиены и психопрофилактики, задачу форсированного развития качественных характеристики психического здоровья, обеспечивающие психологическую устойчивость человека, группы, общества ко множественным стрессогенным факторам. Такого рода деятельность должна осуществляться с полным пониманием, что именно за счет эффективных консолидированных усилий подготовленных профессиональных групп и создается основной ресурс развития личности и общества в условиях агрессивной среды.

Для политических, культурных и силовых элит страны должно быть предельно ясно, что идентифицируемые уровни качественных характеристик психического здоровья и, соответственно, уровни устойчивости населения Российской Федерации к агрессивному воздействию среды напрямую связано с национальной безопасностью, демографической состоятельностью и конкурентоспособностью страны. И что сохранение (за счет приемлемо-высоких уровней качественных характеристик психического здоровья) внутреннего равновесия, социальной эмпатии и консолидации граждан — является фактором межнациональной сплоченности, культурной преемственности и возможности выполне-

ния приоритетных близлежащих и долгосрочных задач государственного уровня.

Следует иметь ввиду установленный факт того, что бурно развивающаяся сфера психотехнологий в последние десятилетия, и особенно в самые последние годы, имеет преимущественно негативный вектор влияния на качественные характеристики психического здоровья-устойчивости населения. Каких-то внятных перспектив к изменению психотехнологической ситуации в лучшую сторону не просматривается.

В отношении Российской Федерации необходимо принимать во внимание еще и отчетливое вредоносное воздействие масштабных психотехнологических интервенций (специально разработанные технологии «ментально-когнитивного доминирования»). Такого рода акции предпринимаются подготовленными структурами — в рамках развязанной киевским режимом гибридной войны — с целью нанесения максимального ущерба и подрыва мобилизационного сознания населения РФ.

Сочетание вышеприведенных взаимозависимых тенденций следует оценить как реальную угрозу существующему социальному порядку и стабильности в Российской Федерации.

В данной связи, обоснование и разработка стратегических (институциональных) и нормативно-правовых механизмов как наиболее эффективных и постоянно действующих инструментов основных ветвей власти, и социальной самоор-

ганизации в целом, способных развернуть ситуацию в требуемом направлении, — является важнейшей задачей профессионального сообщества, действующих социальных и политических институтов.

Раздел I. Научные достижения и скоординированная внутренняя политика как основа национальной стратегии «Обеспечение психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности в Российской Федерации на период 2026—2030 гг.»

1.1. Актуальный контекст и особенность внутренней политики в условиях Новейшего времени

В настоящем Разделе приведены данные о проработанном научном и политическом контексте, абсолютно необходимом для надлежащего формирования итогового проектного документа Национальной стратегии «Обеспечение психологической безопасности населения, эффективности и каче-

ства психотехнологической деятельности в Российской Федерации на период 2026—2030 гг. (далее по тексту — Стратегия).

Современная ситуация настойчиво требует от политических, интеллектуальных, культурных элит России поиск таких ресурсов, которые обеспечивают не только высокие уровни устойчивости населения к агрессивному воздействию среды, но и возможность форсированного развития человека, группы, общества в условиях нарастающего агрессивного давления. Что, в свою очередь, повышает шансы на достижение подлинных прорывов в сфере фундаментальной и прикладной науки, инновационной технологической практике, а в итоге — на выигрыш научно-технического и военного потенциала России в обостряющейся глобальной конкуренции. И понятно, что на самом деле речь идет о стержневой экзистенциальной проблематике, оформляемой в предельно ясной дилемме: «быть или не быть» России, как суверенному независимому государству, на мировой арене в ближайшие десятилетия.

Возможность масштабной актуализации такого рода ресурсов в относительно короткие временные периоды (по заявлениям руководства стран блока НАТО речь идет о 3-х летнем периоде подготовки к полномасштабному конфликту с Россией) должна быть обоснована лидерами научного сообщества, действующими в секторе авангардных наук о психике, а также на стыке социальных, психологических и по-

литических научных направлений.

И далее (при наличии положительной экспертной оценки соответствующих научных достижений) в полной мере должны быть использованы ресурсы властных полномочий и организационные ресурсы внутриполитических ведомств Российской Федерации, действенными инструментами которых является возможность эффективного нормативного регулирования профессиональной и иной социальной активности, направленной на достижение заявляемых целей.

С учетом прописанных в официальных документах целей внутренней политики в Российской Федерации (обеспечение стабильного развития страны, создание условий для повышения качества жизни граждан и поддержание общественного порядка), а также принимая во внимание функциональное предназначение данной важнейшей сферы политической деятельности (разработка и реализация совокупности мер, принимаемых государством для регулирования общественных отношений внутри страны), речь идет о следующих перспективных новациях:

— *в отношении собственно политической функции*: выработка стабильного политического курса, обеспечение государственной и общественной безопасности, поддержание политической стабильности в условиях агрессивной среды, нарастающего санкционного давления — за счет инновационной концепции государственной политики в сфере психического здоровья, психологической безопасности, обеспече-

ния эффективности и качества психотехнологической деятельности;

— *в отношении правовой функции*: защита прав и свобод личности, обеспечение высоких уровней устойчивости человека, группы, общества к агрессивному воздействию среды; разработка, утверждение и контроль за соблюдением соответствующей Национальной стратегии; формирование интегративной институциональной рамки, объединяющей усилия секторов образования, социальной политики, обороны, цифрового развития, науки и культуры по достижению заявляемых в Стратегии целей;

— *в отношении социальной функции*: обеспечение высокого и постоянно растущего качества жизни населения России, полноценного социального ресурса (здравоохранение, образование, социальная помощь), защищенности и поддержки уязвимых групп населения — за счет мобилизации социального сектора, масштабного внедрения высокоэффективных технологий самопомощи, взаимопомощи, многопрофильной профессиональной помощи;

— *в отношении экономической функции*: стимулирование интенсивного роста экономики страны за счет масштабного внедрения прорывных наукоемких технологий, способных дать требуемый результат даже и при наличии неблагоприятных внешних условий; формирование экономических отношений, способствующих высокой мотивации на эффективный, производительный труд (в том числе в сфере авангард-

ной науки, образования, здравоохранения).

С учетом того, что субъектами внутренней политики Российской Федерации выступают практически все ветви власти, представленные как на федеральном, так и региональном уровнях, можно уверенно констатировать, что в данном случае предполагается полноценное использование ресурса власти как такового (данный важнейший ресурс безусловно должен приниматься во внимание при решении масштабных государственных задач). И далее, можно утверждать, что в случае принятия проектных документов Стратегии, такого рода властный ресурс существенно прибавит по характеристикам дифференцированного целеполагания, гибкости, эффективности и результативности — как в отношении важнейших задач, прописанных в данных документах, так и на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Сущностные вопросы внутренней политики, осуществляемой в сфере психологической безопасности и психотехнологической деятельности, с учетом всего сказанного, следующие:

— в какой степени разработан научный базис, необходимый для формирования представляемых здесь проектных документов — Национальной стратегии «Обеспечение психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности в Российской Федерации;

— в какой степени устоявшаяся система организованной

профессиональной и социальной активности в рассматриваемых сферах деятельности готова к усвоению и воспроизведению инновационного контента (в случае подготовленности соответствующего научного базиса).

Углубленная проработка и выведение аргументированных ответов по каждой из вышеприведенных позиций, собственно, и будет решающим аргументом в пользу продвижения предлагаемых проектных документов Стратегии. Но также, должная проработка поставленных вопросов является наиболее эффективной профилактикой рисков: 1) «мимо-попадания, мимо-делания» в рассматриваемых сферах деятельности, обусловленного слабостью научного базиса; 2) сопротивления и саботажа со стороны неподготовленного и немотивированного профессионального сообщества; 3) низкой активности и формального отношения к функциональной предметности эффективного управления в рассматриваемой сфере деятельности — со стороны неподготовленных и немотивированных властных структур федерального и регионального уровней.

1.2. Научные достижения в сфере индивидуальной и социальной психологической устойчивости, психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности

Процесс обоснования степени надежности научных аргументов, предназначенных для разработки представляемых проектов важнейших государственных документов, безусловно должен включать анализ, как прагматического, так и фундаментального базиса авангардного сектора наук о психике. Такой подход в нашем случае совершенно необходим, поскольку именно в эпистемологической слабости и неразработанности фундаментальных основ, специфических для сектора наук о психике, и кроются причины «мимо-попадания, мимо-делания» фронта психотехнологий, предназначенных для обеспечения индивидуального и социального психического здоровья — устойчивости к агрессивному воздействию среды. И далее, общее поле приводимых научных аргументов, так или иначе, должно выстраиваться вокруг понятной предметности, отражаемой в целеполагании представляемых проектных документов: Национальной стратегии по обеспечению высоких уровней психического здоро-

вья и психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности в Российской Федерации на период 2026—2030 гг.».

Следующей важной позицией — в отношении комплекса научных аргументов в пользу предлагаемых проектных новаций является выведение данного комплекса на основе универсального алгоритма генерации наукоемкого, инновационного продукта с возможностью масштабного внедрения и отслеживания эффективности его использования. Именно такой алгоритм был разработан и апробирован в ходе реализации двух Базисных научно-технических программ: «Разработка Общей теории психотерапии (реализована в период 2001—2020 гг.); «Комплексный анализ традиционных и современных психотехнологий» (реализована в период с 2020 по 2023 годы). Соответственно, полный генеративный цикл включает следующие этапы: проблематизация (*выводится на основании углубленного эпистемологического анализа собственно научной проблематики и актуального социального запроса*) — концептуализация — теоретизация — технологизация — инструментализация — институционализация (*формирование базовых институций и групп специалистов*) — трансляция (*подготовка специалистов-практиков*) — реализация (*масштабное внедрение*) — трансформация (*планируемая динамика изменений в сфере использования соответствующей технологии*) — мониторинг результатов — оперативная коррекция цикла на основании полу-

ченных результатов.

В частности, в ходе реализации тематических Базисных НИП было убедительно показано, что следование данному алгоритму эффективно профилактирует воспроизведение главного фактора, обуславливающего в целом низкую эффективность противодействующих усилий в рассматриваемой сфере деятельности (данный фактор мы обозначили как «мимо-попадание, мимо-делание»).

1.2.1. Предметность научного обоснования, учитываемая в целеполагании представляемых проектных документов

Основополагающую предметность общего поля научных аргументов, предъявляемых в качестве доказательной информационной базы проектов Стратегии и Кодекса, в нашем случае представляют следующие проработанные и всесторонне обоснованные теоретико-методологические построения: концепция деструктивных социальных эпидемий (А. Л. Катков, 2012); концепция деструктивных политических эпидемий (А. И. Юрьев, 2013, А. И. Юрьев, А. А. Кострикина, 2015); концепция оборонного сознания (А. В. Павлов и А. Е. Сапегин, 1990; А. Г. Рекадзе, 1990; Н. В. Роткин, 2022; И. А. Федосеева, 2024; И. С. Бурикова 2025).

Деструктивные социальные эпидемии (ДСЭ)

Согласно А. Л. Каткову — под деструктивными социальными эпидемиями (ДСЭ) понимается общее обозначение кризисных социальных явлений, специфика, масштабы и темпы распространения которых, а также приносимые ими негативные последствия, представляют прямую угрозу человеку, обществу и существующему социальному порядку.

Для всех типов ДСЭ характерны следующие общие признаки: они обнаруживают тенденцию к неконтролируемому распространению, к прямой и косвенной взаимозависимости; затрагивают существенную часть общества (по нашим данным — до 25% населения, притом что здесь не учитываются данные об охвате населения эпидемией паники в связи с распространением COVID-19); традиционные способы противодействия, выстраиваемые по устоявшимся моделям борьбы с биологическими эпидемиями, малоэффективны или неэффективны вовсе.

В соответствии с данными репрезентативных исследований последних лет, можно уверенно утверждать, что в эпоху Новейшего времени повсеместно, в том числе и среди населения РФ, наиболее быстрыми темпами распространялись следующие типы ДСЭ:

— расстройства адаптации во всем их многообразии, в

том числе обозначаемые как «психологические проблемы»;
— химическая зависимость — алкоголизм, наркомании, токсикомании, лекарственная зависимость;

— деструктивная психологическая зависимость — игромания, компьютерная зависимость (часто употребляемые синонимы: киберзависимость, технологическая зависимость), вовлечение в религиозно-экстремистские и иные тоталитарные секты;

— панические информационные пандемии, включая последний по времени коронавирусный эксцесс.

И далее, можно уверенно говорить и о том, что требуемый уровень соответствия масштаба и эффективности усилий, противодействующих процессу распространения ДСЭ (всего выделяют четыре таких уровня), ни в одном регионе мира или государстве достигнут так и не был. И что используемые в данном случае стратегии противодействия носят реактивный (реакция на последствия), а не проактивный (опережающие действия) вектор активности.

Деструктивные политические эпидемии (ДПЭ)

Согласно определению А. И. Юрьева, деструктивные политические эпидемии — это сбой в системе политического поведения человека, распространяющийся, как вирус, на большие массы людей. Сбой означает, что один или несколько параметров системы, регулирующей политическое пове-

дение, выходит за рамки его конструктивной нормы. Это означает, что политическое поведение человека перестает регулироваться рациональной логикой, его мышлением и сознанием (становится криминальным, революционным, мятежным, сокрушающим и убивающим все вокруг без объяснимых причин и поводов).

Существенным моментом здесь является следующая рекомендация: чтобы разгадать «генетический код» того или иного политического вируса, надо постоянно следить за информацией из «лабораторий», в которых они создаются. В этом случае появляется шанс на эффективные упреждающие действия.

Классический пример последней по времени деструктивной политической эпидемии и крайне негативных итогов распространения данной ДПЭ следующий: разгон и укоренение информационного вируса того, что «Россия обязательно нападет на Европу», в сознание политической элиты и основной части населения Европы, а также — Северной Америки. Именно на этой базе была создана и постоянно расширяется коалиция спонсоров войны, а также военного, технологического и финансового потенциала нелегитимного киевского режима. Локальный конфликт с этим режимом, таким образом, был переведен в масштаб прокси-войны России с Европейской коалицией и НАТО.

Признаков активного использования какой-либо упреждающей информационной стратегии со стороны РФ в дан-

ном случае замечено не было. В то же время, предпринимаемые «после-действия» какого-либо существенного эффекта — по имеющейся на сегодняшний день информации из открытых источников — не принесли.

Феномен оборонного сознания (ФОС)

Термин «оборонное сознание» был введён в научный оборот в конце прошлого века. В публикации А. В. Павлова и А. Е. Сапегина «Новое политическое мышление и оборонное сознание» (1990) феномен оборонного сознания понимается как особое состояние человека и общества, для которого характерна совокупность распространённых в обществе идей, взглядов, представлений, убеждений, чувств, которые отражают вопросы обеспечения защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешней и внутренней агрессии.

Ключевые характеристики оборонного сознания, согласно процитированным авторам, включают в себя структурные компоненты (оборонная идеология и оборонная психология), а также определенные формы, векторы направленности и состояния:

— *оборонная идеология* — систематизированное отражение оборонного бытия в виде идей, концепций, стратегий, доктрин, теорий. Формируется под влиянием накопленных знаний, исторического опыта, линии политического и воен-

ного руководства;

— *оборонная психология* — совокупность социальных чувств, эмоций, настроений, переживаний, обычаев, традиций, характерных для данного общества в части отношения к вопросам национальной обороны;

— *формы оборонного сознания* — военно-политическое, военно-правовое, оборонная мораль, религиозные основания защиты Отечества, военно-философское, военно-научное, оборонно-художественное;

— *векторы направленности* — агрессивное, оборонительное, пацифистское, пораженческое;

— *фазовые состояния* — сознание мирного времени, сознание военного времени, пограничное сознание.

В более поздних тематических публикациях обращается внимание на аспекты феномена оборонного сознания, которыми можно и нужно управлять. Так, по мнению А. Г. Рекадзе (1990) к факторам, бесспорно усиливающим функциональную активность и глубину оборонного сознания среди населения, относится стержневая идея (политическая, нравственная, эвристическая). И далее необходимо, чтобы оборонное сознание стало доминирующим фактором общественного сознания. В самые последние годы обращается внимание на мобилизирующее влияние военно-политического сознания общества в условиях стратегической нестабильности, интенсивной информатизации, технологизации войны, острейших социальных противоречий и кризисов, гло-

бальных проблем (Н. В. Роткин, 2022). Особенно остро стоит вопрос формирования оборонного сознания у нынешней молодежи в связи с тем, что именно на восходящее поколение обрушивается огромный поток информации, зачастую ложной, противоречивой, провокационного характера (И. А. Федосеева, 2024).

Всесторонне обосновывается главный тематический вывод: обеспечение национального суверенитета России требует проведения системной и проактивной политики по развитию оборонного сознания за счет интенсификации процессов патриотического воспитания, повышения вовлеченности граждан в механизмы государственного управления, активизации борьбы с инфантильностью и нигилизмом молодого поколения, а также формирования эффективного защитного и мобилизационного механизмов в отношении внешнего деструктивного воздействия. Оборонное сознание формирует необходимый внутренний ресурс общества в целом и его граждан в частности, позволяющий противостоять негативному информационно-психологическому влиянию (И. С. Бурикова 2025).

Обозначенные в данном подразделе, ключевые предметные позиции — ДСЭ, ДПЭ, ФОС, — являющиеся фокусом институциональной (Стратегия) и нормативно правовой (Кодекс) активности, безусловно должны дополняться инвентаризацией и углубленным анализом инновационных достижений в секторе наук о психике и собственно психо-

технологической сфере деятельности. Без чего невозможно определить и, соответственно, устранить первопричину низкой эффективности традиционно используемых технологий противодействия процессу вовлечения населения в деструктивные социальные эпидемии всех типов. И далее — мы должны отчетливо понимать, за счет каких именно научных достижения и технологических инноваций возможно форсированное развитие высоких уровней оборонного сознания среди дифференцированных групп населения Российской Федерации.

1.2.2. Проблемные области и научные достижения в секторе наук о психике фундаментального уровня (базисные концепции и теории)

Одним из важнейших достижений в сфере преодоления эпистемологического дефицита в секторе наук о психике связано с разработкой методологии эпистемологического анализа применительно к специфике предметной сферы психического (А. Л. Катков, 2016, 2023). Использование модифицированной версии эпистемологического анализа, в итоге, позволило продвинуться в следующих важнейших направлениях: идентифицировать основополагающий концептуальный дефицит и слабость методологического оформле-

ния фундаментальных и прикладных исследований, проводимых в секторе наук о психике; выявить наиболее адекватные способы преодоления несостоятельности эпистемологического и собственно теоретического базиса в данном секторе, и проиллюстрировать высокую степень эвристики данных способов на примере реализации Базисных научно-исследовательских программ соответствующего профиля.

Идентифицированная структура системного кризиса в секторе наук о психике, выведенная по результатам углубленного эпистемологического анализа, представлена в следующих тезисах:

- очевидная слабость и эвристическая несостоятельность собственно эпистемологического базиса общего корпуса науки и, особенно, сектора наук о психике;

- приоритет диссоциированной — адекватной только лишь в отношении сектора естественно-научных дисциплин — эпистемологической платформы с искаженными эпистемологическими установками и ограничениями предметной сферы психического;

- выводимая отсюда ограниченность принципов принадлежности к кодифицированной системе научных знаний (согласно сформированным приоритетам существенно более высокую научную ценность имеют знания естественно-научного ареала);

- продолжающееся некритическое заимствование, в целом, неадекватных для исследования категории психическо-

го методологических установок из сектора естественно-научных дисциплин (данный методологический подход специализирован исключительно на исследовании «объектных» характеристик стандартно форматируемого плана реальности);

— непроработанность, в силу всего сказанного, гипотетического кластера сущностных характеристик категории психического, являющегося обязательной стартовой позицией для формирования соответствующих Базисных научно-исследовательских программ;

— отсутствие функционально обоснованной классификации наук о психике, разработанной в соответствии с обновленным пониманием предметной сферой психического;

— итоговая слабость институционального базиса сектора наук о психике (включая структуру, технологии, подготовленные кадры, необходимые для проведения полноценных фундаментальных и прикладных исследований, и масштабного внедрения полученных таким образом инновационных технологий в практику).

По всем вышеприведенным позициям в последние годы был достигнут существенный прогресс. В частности была выведена обновленная система фундаментальных допущений, которая кардинальным образом отличаются от своих «предшественниц», является методологическим стержнем Ассоциированной эпистемологической платформы и подлинной информационной матрицей для сектора наук о пси-

хике (А. Л. Катков, 2013; 2022).

Ключевые характеристики ассоциированной эпистемологической платформы, адекватной для профиля авангардной науки и сектора наук о психике, формулируются на основе следующих фундаментальных допущений:

— объектно-закономерные характеристики актуальных планов реальности зависят от параметров фиксируемого импульса темпоральной активности сознания (ФИТАС);

— существуют принципиальные подходы и механизмы надежной идентификации «непроявленного» полюса реальности в условиях пластичных значений параметров ФИТАС, и легализации данного полюса реальности в обновлённой системе научного знания;

— с формированием ассоциированной эпистемологической платформы возможно снятие неадекватных ограничений предметной сферы в секторе наук о психике и в общем корпусе науки, восстановление ресурсной целостности человека с перспективой существенного расширения горизонтов его бытия.

На основе инновационной эпистемологической платформы был сформирован кластер рабочих гипотез по всем дифференцируемым уровням эпистемологического каркаса наук о психике. И далее, с учетом проработанной к этому времени методологической специфики научных исследований в сфере фундаментальных и прикладных проблем психического, были разработаны и реализованы три масштабных ис-

следовательских проекта (Базисных НИП). Функциональное содержание и результаты реализации этих проектов позволяют говорить о существенном продвижении в отношении генерации важнейших прикладных теорий и концепций в секторе наук о психике, и создании на данной основе высокоэффективных, наукоемких психотехнологий, с возможностью их масштабного внедрения в информационном пространстве и социальном секторе страны. Что, собственно, и требуется для обоснования инновационной стратегии эффективного противодействия процессу распространения ДСЭ всех типов.

В частности — и это главный результат фундаментально-го уровня научных достижений последних лет — были разработаны эпистемологические основы функциональная теория психического с акцентом на идентифицированный феномен темпоральной пластики. Последний аспект в данном случае особенно важен, так как именно за счет актуализации феномена психопластичности — в ходе процесса оказания психотерапевтической, консультативной либо иной помогающей или развивающей психотехнологической помощи — и обеспечивается достижение существенных конструктивных и устойчивых терапевтических изменений, достигаемых за ограниченный период времени. А это и есть наиболее востребованный результат помогающей и развивающей психотехнологической практики.

Основные положения разработанной функциональной

теории психического следующие. Ключевой тезис, обоснованный соответствующими эпистемологическими конструкциями, сводится к тому, что стержневая функция психики — генеративная. При этом, в синхронном режиме генерируются следующие базисные феномены — компоненты «объемной» (т. е. способной вмещать множество темпорально-пластичных актуальных планов) реальности:

- феномен сознания — диссоциирующие импульсы ФИТАС;

- феномен «объективного» времени и пространства;

- дифференцированные статусы и полюсы реальности, формирующие сложную конструкцию объемной реальности;

- феномен информации — как основной «продукт» деятельности психики;

- феномен пластичности, в том числе пластичных категорий времени, пространства, рефлексивных характеристик субъекта — как возможность сверхэффективного, моментального взаимодействия и трансформации статусов и полюсов объемной реальности.

Выведение генеративной функции психического дает основания полагать, что

сам по себе феномен психического участвует в сложнейшем информационном кругообороте, обеспечивающем развитие общего поля объемной реальности. Отсюда же следует, что психика в самом первом приближении есть инструмент генерации и форматирования категорий времени и

пространства. И что именно психика формирует информационный, главный для всего живого уровень реальности. Но еще более интересными в данном контексте представляются возможности управления процессом темпоральной пластичности и, соответственно, гибкими пространственными формами генерируемой субъективной и «объективной» реальности.

Фундаментальная эвристика представленных ключевых позиций функциональной теории психического была продемонстрирована в отношении конструктивной эволюции идеи панпсихизма и доработки обсуждаемых в последние годы концептов панпсихизма (С. Райт, 1975; Т. Нагель 1979; Г. Строссон, 2006; Д. Чалмерс, 2015; Д. Тонони, 2015) — до уровня приоритетной эпистемологической базы авангардного фронта науки. В частности, была показана возможность получения строгих доказательств в отношении главного тезиса панпсихизма, выстроенного в духе того, что «все наши представления и знания о реальности, так или иначе, выводятся из активности психического, а психика, таким образом, является неотъемлемым атрибутом реальности». Был обоснован факт действенного, а не инертного — т. е. выводимого за скобки без какого-либо ущерба для стандартно формируемой панорамы «объективной» реальности — присутствия психического в любых конструкциях-формулах репрезентации реальности.

И далее, эвристический потенциал разработанных, таким

образом, эпистемологических конструкций был продемонстрирован на примере выводимых отсюда концептов: альтернативной (темпоральной) математики; Новой Философии с возможностью конструирования принципиально новых объяснительных моделей реальности; Новой Этики — как реализации предсказаний блистательных ученых-философов Иммануила Канта и Иоганна Готлиба Фихте о грядущем формировании новых наук — Философии и Этики; идея ТИСА-мира, как обновленного «большого» параметра социального порядка (*tempoality* — темпоральность; *integrality* — целостность; *comprehensibility* — постижимость; *assurance* — уверенность). То есть речь, так или иначе, идет о фундаментальных идеомах, способствующих формированию устойчивого ресурсного состояния и конструктивного развития современного общества в непростых условиях Новейшего Времени (А. Л. Катков, 2026).

Далее, на основании углубленного эпистемологического анализа массива всех имеющихся данных была разработана классификация наук о психике, которая, во-первых, была выстроена по принципам, предложенным Джоном Стюартом Миллем (то есть сама по себе представляла масштабный исследовательский проект, в ходе чего предметная сфера наук о психике была существенным образом модифицирована); во-вторых — настоящая классификация была систематизирована по осям основной, имеющейся в данном секторе эпистемологической проблеме параллелизмов; а в третьих

— здесь, по примеру нашего гениального соотечественника Дмитрия Ивановича Менделеева, была использована возможность выведения новых «элементов», т. е. новых научных направлений с наиболее перспективными инновационными аспектами предметной сферы, выводимыми из эвристического потенциала модели объемной реальности.

Данная классификация, помимо прочего, демонстрирует беспрецедентный донорский потенциал авангардных наук о психике по отношению к корпусу науки в целом. Таким образом, вопрос об оформлении сектора наук о психике и выведения этого сектора теперь уже в авангардный фронт общего поля науки был сдвинут с «мертвой», абсолютно неприемлемой для рассматриваемой области знаний точки (А. Л. Катков, 2022).

1.2.3. Проблемные области и научные достижения в секторе наук о психике прикладного уровня

Ведущие социологи мира отмечают тревожную трансформацию социального пространства, понимаемого как информационная реальность, оказывающая мощное воздействие на состояние духа современников. В этих условиях, в первую очередь, обращается внимание на статус ресурсных идиом (Серж Московичи, 2011), обеспечивающих и координирующих адаптивную активность человека во все эпохи цивили-

зационного становления, и особенно в эпоху «шатающегося мира» Новейшего времени.

Так, например, даже и по номинации акронимов, широко употребляемых для обозначения «концентрированных» характеристик социальной динамики, можно уловить отчетливую тенденцию к нарастанию степени агрессивности среды, при сохраняющейся уязвимости и очевидном несоответствии традиционных параметров социального порядка главным вызовам эпохи:

— VUCA — мир (1985), *изменчивый, неопределённый, сложный и двусмысленный*. Сторонники данной модели предлагают принять такую «многополярную» реальность и всемерно приспосабливаться к тому, что модусы бытия могут быстро и непредсказуемо меняться;

— BANI —мира (2016), *хрупкий, тревожный, нелинейный, непостижимый*.

По мнению автора данного акронима, известного японского ученого, социального футуролога Джамиаса Кашио: *хрупкость* заключается в том, что любая выстроенная система способна довольно быстро сломаться (так, пандемия COVID-19 обрушила многие отрасли); *тревожность* вызвана тотальными изменениями и часто невозможностью на них повлиять; *нелинейность* проявляется тем, что нам не очевидно, к каким последствиям приведут те или иные действия (например — изменение климата вследствие нерегулируемого технологического прогресса); *непостижимость* — по-

следствие переизбытка поступающей информации. Джамилас Кашио обосновывает позицию того, что мы имеем дело с «многомерным пространством все более сгущающегося хаоса», выживание и развитие в котором требуют абсолютно новых подходов и технологий. И следовательно — продуманного и энергичного обновления параметров социального порядка, основанного на так называемом «трансцендуальном мышлении»;

— SHIVA — мир (2022), *расщепленный, беспощадный, ужасный, воспроизводящийся*. Один из признаков такого, крайне неблагоприятного перехода — обилие «черных лебедей» (термин Нассима Талеба) — непрогнозируемых событий, которые вызывают значительные, как правило негативные последствия;

— TACI — мир (2023), *турбулентный, случайный, хаотичный, враждебный*. Данный акроним выступает в качестве «сборной команды» все прочих социальных концентратов, и дополняет тревожную футурологическую повестку переживаемого нами времени.

Что же касается интересующего нас аспекта целеполагания противодействующих усилий, рекомендуемых авторами вышеприведенных акронимов, то практически в каждой версии речь идет о необходимости энергичного и последовательного продвижения человека, группы, общества: от состояния выраженной деморализации — к устойчивому ресурсному состоянию; от полярных экзистенциальных

характеристик неопределенности, отчаяния, безнадежности, неверия — к противоположному экзистенциальному полюсу ясности (определенности), чаяниям, состояниям надежды и веры. Что, безусловно, повышает шансы на генерацию инновационной системы ресурсо-ориентированных, социальных идиом Новейшего времени.

Конкретные шаги в отношении продвижения в заданном направлении — концепты и технологии, — предложенные разнопрофильными специалистами в последние годы, и заслуживающие внимания в силу предъявляемой авторами аргументации, были следующими.

Нассим Николас Талеб, известный в первую очередь как писатель-эссеист, но также доктор философии и управления, сформулировал концепцию антихрупкости (в 2012 году была издана одноименная монография), в рамках которой обосновывается понятный тезис того, что в современном мире «под силу выжить антихрупкому и только ему одному». Особенно интересен предложенный Талебом рецепт приобретения качества антихрупкости в виде следования принципу «фундаментальной асимметрии». Согласно данному принципу, дивиденды, получаемые от главных «кошмаров» Новейшего времени — переменчивости, случайности, ошибок, неопределенности, стрессоров и вообще переживаемого непростого времени, — у антихрупкого субъекта заведомо превышают несомые им, неизбежные потери. И далее, предлагается двухуровневая «стратегия штанги», кото-

рая сочетает две крайности — одну безопасную, другую рискованную. В метафорическом смысле, это как метод проб и ошибок при нормальной ходьбе — человек одной ногой всегда опирается на устойчивое основание, а другой ногой делает шаг вперед в поисках такого же, или лучшего основания. И ничего страшного, если наш исследователь реальности попробует «наступить не туда» — он просто вернет «тестовую ногу» на прежнее место и будет пробовать другой, более удачный вариант. Подобный вариант приобретения динамической устойчивости в шатающемся мире, в более строгом смысле, можно обозначить как ситуационно- стратегический способ адаптации и развития. Здесь важно, чтобы осмысленные и усвоенные стратегии устойчивого развития стали достоянием конкретного человека, группы, общества, осуществляющих свой жизненный путь в непростых условиях Новейшего времени.

Более дифференцированные и ориентированные на специалистов ментального профиля, концепты обретения индивидуальной и социальной устойчивости разрабатывались с конца 80-х годов прошлого века. американскими психологами Сьюзен Кобейса и Сальватором Мадди в это время было разработано и обосновано понятие «жизнестойкость» (концепция, которая сочетает теоретические основы экзистенциальной психологии и практическую область психологии стресса и совладания с ним). В функциональном смысле, жизнестойкость рассматривается авторами как компонент

системы, которая снижает стрессовые эффекты, связанные с трудными обстоятельствами. В основе данной системы лежат три ключевых компонента:

— приверженность — способность оставаться вовлечённым в свою деятельность и сохранять интерес к жизни, несмотря на трудности;

— контроль — уверенность в том, что человек может влиять на события в своей жизни;

— вызов — восприятие изменений не как угрозы стабильности, а как возможностей для роста и развития.

Из последних по времени, в большей степени практико-ориентированных публикаций по теме концепта жизнестойкости, следует отметить одноименную монографию Линды Грэм (2018), клинического психолога, психотерапевта, специалиста экспертного уровня в рассматриваемой проблематики. В своей работе Л. Грэм «раскладывает» общее понятие жизнестойкости на важнейшие функциональные компоненты — интеллекты (соматический, эмоциональный, реляционный, рефлексивный). И далее, описывает последовательный набор проработанных психотехнологий, направленных на развитие соответствующих интеллектуальных функций, в итоге складывающихся в общий «узор» качества индивидуальной жизнестойкости. Достоинством публикации в целом и описанных психотехнологий в частности — является доступность излагаемого материала и воспроизводимость рекомендованных алгоритмов в режиме самопо-

мощи, либо при минимальной консультативной поддержке. То же самое можно сказать и о публикации Михаэля Ненана, доктора философии, клинического психолога и когнитивно-поведенческого психотерапевта «Жизнестойкость. Как развивать и укрепить» (2024). В монографии автор достаточно подробно описывает опыт психотерапевтической работы по развитию сильных сторон личности, формирующих качество жизнестойкости. В частности, обращается внимание на такие свойства как: высокая фрустрационная устойчивость; самопринятие; юмор; способность видеть и сохранять перспективу; эмоциональный контроль; организация и принятие поддержки со стороны окружающих; любопытство; навыки конструктивного решения проблем; наличие поглощающих увлечений; поиск несущих смыслов; адаптивность; умение радоваться достижениям и идти дальше. Все эти свойства-навыки — по мысли автора — можно и нужно целенаправленно развивать и закреплять. Что, в итоге, закономерно повышает уровень жизнестойкости заинтересованного субъекта.

В Российской Федерации проблематикой жизнестойкости целенаправленно занимался доктор психологических наук, профессор факультета психологии Московского Государственного Университета им. Ломоносова, заведующий лабораторией позитивной психологии и качества жизни Высшей Школы Экономики Дмитрий Алексеевич Леонтьев. Так, в 2011 году Д. А. Леонтьевым и его сотрудниками была

опубликована фундаментальная коллективная монография «Личностный потенциал: структура и диагностика», в которой обосновывалась правомерность использования данного понятия — с позиции агрегации и систематики личностных свойств и процессов, обеспечивающих устойчивость субъекта к внешним стрессорам. Личностный потенциал определялся авторами как структурное образование, соотносимое с неспецифическими функциями саморегуляции, проявляющимися в различных ситуациях: достижения, неопределенности, угрозы и других. При этом, в ситуации фокусирования на достижения актуализируются такие интегральные функции самоорганизации как самоопределение и реализация. В ситуации нежелательного давления извне актуализируется функция сохранения. Обосновывалось существенное значение в интегрированной структуре личностного потенциала таких компонентов как: собственно жизнестойкость; личностная автономия; самоэффективность; адекватные копинг-стратегии; толерантность к неопределенности; контроль за действием; рефлексивность; субъективная витальность (Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова, О. Е. Дергачева; Т. О. Гордеева; А. И. Гусев; И. А. Васильев, О. В. Митина, С. А. Шапкин; А. Ж. Аверина; Л. А. Александрова, 2011).

В самые последние годы доктором психологических наук, кандидатом философских наук, профессором Института психологии РАН, Тимофеем Александровичем Нестиным было проведено масштабное исследование характери-

стик социальной жизнестойкости населения Российской Федерации. В частности изучалась динамика формирования и консолидирующая роль коллективного образа будущего (Т. А. Нестик, 2025). На основании полученных результатов автор приходит к выводу, что жизнестойкость человека и общества в условиях трудноконтролируемых природных и антропогенных угроз, — таких как пандемии, макроэкономические кризисы, геополитические конфликты и непредсказуемые последствия развития искусственного интеллекта, — зависит от способности людей вырабатывать образ желаемого будущего, поддерживать оптимизм и долгосрочную ориентацию. значимость коллективного будущего может возрастать и по другим причинам — через переживание угрозы существованию или ценностям своей группы. В таких условиях коллективная тревога может играть конструктивную роль, мобилизуя психологические ресурсы, но для этого она должна быть сопряжена с уверенностью в способности членов группы преодолеть трудности совместными усилиями, высоким доверием к социальным институтам и другим людям, а также сопереживанием. При низком социальном доверии и снижении субъективного контроля коллективная тревога запускает защитные психологические механизмы: гиперидентификация с группой и потребность в простых ответах на сложные вопросы сдерживают групповую рефлексивность и социальное воображение, делая группу уязвимой к информационно-психологическим воздействиям, основанным на

провоцировании страхов. Причем воспринимаемая угроза ценностям группы с большей вероятностью будет провоцировать эти эффекты, чем угроза военная или экономическая. Собственно, отсюда и выводятся главные императивы и универсальные мишени — «точки приложения» активности научного и психотехнологического сообщества в отношении разворота социальной динамики по вектору «правильных» реакций, обеспечивающих устойчивость к агрессивному информационному воздействию.

Далее, сосредоточимся на исследовательских проектах и полученных здесь функциональных (технологических, инструментальных, институциональных) результатах, максимально сфокусированных на предметности деструктивных социальных и политических эпидемий, а также — ключевых характеристик оборонного сознания.

По результатам серии исследований, проведенных в период 2001—2012 гг., была разработана концепция качественных характеристик психического здоровья. Последние определяются как система определенных психических факторов (свойств, состояний и процессов), высокий уровень развития которых обеспечивает эффективную самоорганизацию, безопасность и устойчивое развитие человека в агрессивной среде (А. Л. Катков, 2015).

Данные масштабные исследования проводился с условием строгого соблюдения конкретных методологических требований. В частности, техническое задание исследователь-

ских фрагментов было четко ориентировано на то, что собственно идентификационные характеристики качества индивидуального и социального психического здоровья должны были включать:

- возможность обозначения идентифицируемых факторов — психических свойств, процессов и состояний — с помощью известных терминов и определений;

- измеряемость апробированными тестами и методиками;

- наличие статистически достоверной и явно выраженной отрицательной корреляции высоких уровней развития, положительной корреляции низких уровней развития идентифицированных свойств с доказанными рисками и фактами формирования адаптационных расстройств, рисками и фактами вовлечения в химическую и деструктивную психологическую зависимость; -наличие статистически достоверной и явно выраженной положительной корреляции высоких уровней развития, отрицательной корреляции низких уровней развития идентификационных свойств с высоким уровнями адаптации и кондициями качества жизни;

- надежность полученных идентификационных характеристик, которая должна обеспечиваться тройным перекрытием и согласованностью результатов эпидемиологических, экспериментально-клинических и экспериментально-профилактических исследований;

- возможность эффективного влияния на выявленные

характеристики в краткосрочной (недели, месяцы) и среднесрочной (1—5 лет) перспективах.

И далее, собственно технологические характеристики идентифицируемых свойств должны были предусматривать возможность:

- выстраивания адекватных индивидуальных мишеней с целью последующего профилактического, лечебного и реабилитационного воздействий; -выстраивания адекватных социальных мишеней с целью эффективного информационного воздействия первично-профилактического характера, в том числе с использованием каналов СМИ, интернета;

- разработки оптимальных, диагностических и скрининговых программ по определению эффективности соответствующего индивидуального и социального воздействия;

- разработки, на основании всего вышесказанного, инновационных технологий формирования высоких уровней индивидуальной и социальной устойчивости к агрессивному влиянию среды, в том числе — к вовлечению в деструктивные социальные и политические эпидемии;

- достижения, на основании всего вышеперечисленного, таких уровней индивидуальной и социальной самоорганизации, которые эффективно компенсируют издержки мутагенных цивилизационных факторов и обеспечивают устойчивое конструктивное развитие человека и общества.

Что же касается синтетических характеристик исследуемых параметров качества психического здоровья, то они

должны были предусматривать: возможность выстраивания — на основании полученных результатов — целостной концепции качества психического здоровья; возможность формирования обновленных доктринальных и соответствующих институциональных подходов по системной и результативной работе с этим важнейшим компонентом интегрального здоровья на всех уровнях социальной активности.

Таким образом были идентифицированы следующие группы измеряемых качественных характеристик психического здоровья.

Психические свойства:

- полноценное завершение личностной идентификации;
- полноценно сформированные:
- конструктивный (идентификационный) жизненный сценарий;
- устойчивый мотивационный комплекс, направленный на реализацию конструктивного жизненного сценария;
- навык свободного и ответственного выбора;
- свойство внутреннего локуса контроля;
- потребность в эффективной самоорганизации;
- наличие специфических (помимо соответствующих возрасту знаний-умений-навыков) ресурсов, необходимых для реализации конструктивного жизненного сценария (Ресурсная комбинация выделяемых личностных статусов (РЛС) + Ресурсная метапозиция по отношению к основным агентам со-бытия (РМ) + Ресурсная коммуникация, внеш-

няя и внутренняя (РК) + характеристики ассоциированно-го сверх-адаптивного интеллекта (АСИ) с набором гибких адаптивных стратегий, основанных на феномене темпоральной пластики психического);

— наличие адекватной информированности об агентах, агрессивных и деструктивных по отношению к основным (идентификационным) жизненным сценариям.

Следует иметь ввиду, что основной механизм эффективной профилактики вовлечения субъекта в деструктивные социальные или политические эпидемии в первую очередь связан с организацией терапевтического конфликта между псевдо-дивидендами ДСЭ, ДПЭ — с одной стороны, и проработанными перспективами идентификационного жизненного сценария — с другой стороны. В ходе чего и образуется психологическая доминанта невосприимчивости субъекта к вредоносному информационному воздействию. Конструктивный жизненный сценарий, в свою очередь, подкрепляется высоким уровнем развития поименованных выше свойств, которые соотносятся по типу взаимодополнения, взаимообусловленности, взаимодействия.

Психические процессы.

В первую очередь речь здесь идет о процессе эффективной психологической адаптации человека, осуществляющего свой жизненный путь в агрессивной среде. Такого рода адаптивная активность, помимо прочего, включает общие и специальные процессы самоорганизации. Данные процессы

имеют четкую функциональную направленность и выстраиваются на основе идентифицированных свойств-мишеней. В то же время, высокий уровень развития процессов самоорганизации способствует ускоренному формированию первичного и устойчивого ресурсного состояния у субъекта, существенно повышает его адаптивные кондиции, качество жизни и — что особенно важно — устойчивость к вовлечению в ДСЭ и ДПЭ.

Общий процесс эффективной самоорганизации

Данный «большой» процесс-мишень определяется как осмысленная, многосторонняя адаптивная активность субъекта, осуществляемая с использованием внутренних (идентифицированные психические свойства и состояния) и внешних (конструктивное взаимодействие с агентами события) ресурсов; позволяющая находить оптимальное решение возникающих проблемных ситуаций и, в итоге, способствующая успешной реализации конструктивных жизненных сценариев.

Специальные процессы самоорганизации

Данные специфические процессы самоорганизации имеют особое значение в психотерапии, консультировании, иных помогающих и развивающих психотехнологиях. Дефи-

цитарность такого рода адаптивной активности, так или иначе, прослеживается в актуальной проблематике, предъявляемой клиентами, а их коррекция является важной функциональной задачей помогающих и развивающих психотехнологий.

При этом речь идет о следующих специальных процессах самоорганизации:

— *управление проблемной ситуацией с использованием технологии ресурсного серфинга* (используется рабочий алгоритм эффективной самопсихотерапии со встроенным компонентом модифицированного варианта проблемно-ориентированного консультирования или психотерапии);

— *управление стрессом* (основной акцент здесь делается на технологиях эффективного блокирования первичной и отсроченной реакции на стресс, а также на форсированное развитие механизмов стрессоустойчивости);

— *управление конфликтом* (основной акцент делается на формирование такой стратегии прохождения конфликта, в которой выигрывают все вовлеченные стороны);

— *управление здоровьем* (акцент на оперативную и долгосрочную мобилизацию саногенного потенциала);

— *развитие специальных навыков по эффективной саморегуляции* — концентрации, мобилизации, диссоциации-осознанности, интуиции, оно-техника (как механизм обретения целостности с супер-ресурсными инстанциями психического);

— *управление жизнью* (проработка механизмов эффективного планирования, мотивации, организации и контроля по отношению к основным жизненным циклам).

Психические состояния.

Ресурсные психические состояния — как результирующие качественные характеристики индивидуального психического здоровья — соотносятся с идентифицированными психическими свойствами и процессами по тому же системному принципу взаимодополнения, взаимообусловленности взаимодействия. При этом выделяются следующие функциональные типы ресурсных состояний, имеющие значения в психотехнологической практике (в качестве выделяемых актуальных и универсальных мишеней).

Первичное ресурсное состояние: определяется как переживаемое субъектом состояние оперативной психологической мобилизации, особого эмоционального подъема в проблемной или кризисной ситуации, способствующее ускоренной генерации эффективных решений и энергичному продвижению в направлении реализации найденного таким образом адаптивного сценария разрешения данной ситуации.

Первичное ресурсное состояние характеризуется:

— наличием базисной установки, соответствующего самоощущения и самовосприятия в духе того, что: «перед лицом любой проблемной ситуации я чувствую себя достаточно уверенно, так как знаю, что приемлемое решение есть — его нужно только найти; и мне известно как это сделать наи-

лучшим образом»;

— наличием особого эмоционального подъема в кризисной ситуации, когда субъект сосредоточен на поиске нового решения и переживании перспективы возможных дивидендов от его реализации (а не на отрицательных последствиях кризиса);

— наличием проработанного личностного статуса «Я-ресурсный»;

— наличием навыков эффективного решения проблемных ситуаций с использованием технологии ресурсного серфинга (форсированной актуализации ресурсного личностного статуса с последующим использованием базисного алгоритма проблемно-ориентированного психотехнологического подхода);

— отсутствием признаков, характеризующих состояние деморализации в проблемной или кризисной ситуации.

Устойчивое ресурсное состояние: определяется как базисное психологическое благополучие субъекта, основанное на высоком уровне развития ключевых психических свойств и процессов, и обеспечивающих соответствующий уровень адаптивных кондиций; а также — на позитивном опыте преодоления проблемных ситуаций или состояний за счет актуализации имеющегося ресурсного потенциала.

Устойчивое ресурсное состояние характеризуется:

— наличием базисной стратегической установки и соответствующего самоощущения, и самовосприятия в духе сле-

дующего тезиса: «По большому счету у меня все хорошо; и это постоянное чувство глубинного благополучия помогает мне сравнительно легко справляться с возникающими трудностями»;

— чувством почти постоянного эмоционального комфорта, перемежающегося с аффектом мобилизации при возникновении сложных ситуаций;

— наличием базисной уверенности в себе и своих способностях успешно преодолевать любые жизненные трудности;

— наличием высоких, объективно фиксируемых показателей качества жизни и социального функционирования;

— отсутствием каких-либо стойких проявлений состояния деморализации (по Дж. Франку).

Важнейшим обстоятельством в данном случае является принадлежность идентифицированных психических свойств, процессов и состояний к категории зависимых переменных — то есть факторов, на которые можно эффективно воздействовать (в отличие, например, от независимых переменных — факторов национальности, возраста, наследственной отягощенности и проч., которые изменить невозможно), добиваясь искомой терапевтической динамики и планируемых итоговых результатов. Другим важным обстоятельством является установленная в корректных исследованиях четкая взаимозависимость рисков вовлечения в ДСЭ всех типов от уровней развития поименованных психических свойств, процессов, состояний: при высоких уров-

ниях развития риски первичного, либо повторного (после прохождения соответствующих психокоррекционных программ) вовлечения в деструктивные социальный эпидемии существенно снижаются, и наоборот. Наконец, третьим важным итогом комплекса проведенных исследований явился разработанный инновационный кластер психотехнологий, адаптированных под задачу обеспечения форсированного развития поименованных свойств, процессов, состояний в ограниченные периоды времени. А также — кластера диагностических технологий по определению уровней индивидуальной устойчивости к вовлечению в ДСЭ всех типов.

Весьма актуальными — с учетом ситуации последних лет — представляются исследования доктора медицинских наук, доктора и профессора научной психотерапии МАНП Андрея Борисовича Стрельченко о психологической устойчивости специалистов, профессиональная деятельность которых проходит в экстремальных условиях, в частности в условиях боевого стресса. При этом внимание обращается не только на собственно психологические корреляты высоких уровней устойчивости к боевому стрессу, но и на нейродинамические механизмы, обеспечивающие профессиональную надежность лиц, действующих в ситуации супер-стресса. На основании значительного массива полученных в соответствующих условиях данных А. Б. Стрельченко разработал целостную концепцию специализированной системы психофизиологического обеспечения, в существенной части при-

менимую и для населения, оказавшегося в зоне повышенного риска (А. Б. Стрельченко, 2023).

И далее, в продолжении логики проведенного масштабного исследования, Андреем Борисовичем Стрельченко Была разработана научная концепция и комплексная психотерапевтическая программа «Психотерапия здоровых», основанные на новаторском саногенном подходе. Данный подход обосновывает возможность форсированного развития качественных характеристик психологического и физического здоровья, высоких уровней стрессоустойчивости у человека, группы и общества в целом, в неблагоприятных условиях агрессивного воздействия среды (А. Б. Стрельченко, 2024).

1.2.4. Проблемные области и научные достижения в секторе наук о психике технологического и инструментального уровня

В настоящее время, согласно предварительной инвентаризации из доступных информационных источников, можно говорить об использовании примерно 12 тысяч более или менее структурированных психотехнологий, существенная часть которых не заявляется в качестве таковых и не регулируется культурными, этическими и профессиональными ограничениями. В то время как «дикий» рынок психотех-

нологий является основным механизмом распространения крайне опасного явления ДСЭ всех типов.

Следовательно, существует острая необходимость в разработке научной методологии анализа и регуляции психотехнологической деятельности по всем возможным номинациям: собственно исследовательской, образовательной, практической, организационной, экспертной, нормотворческой. И далее, на передний план выступает проблематика оперативного и масштабного внедрения достигнутых здесь существенных результатов. Что, собственно и предусматривается универсальным алгоритмом генерации наукоемкого, инновационного продукта с возможностью масштабного внедрения и отслеживания эффективности его использования.

Вышеприведенная проблематика в существенной степени была проработана в ходе реализации Базисной научно-исследовательской программы «Комплексный анализ традиционных и современных психотехнологий (2020—2023 гг.)». Ниже представлены основные результаты реализации данной программы, а также наиболее существенные достижения последних лет в рассматриваемой области психотехнологической деятельности.

1.2.4.1. Достижения в сфере систематики, классификации, обеспечения безопасности и эффективности психотехнологической деятельности

В ходе реализации Базисной НИП (2020—2023 гг.) была разработана рамочная концепция психотехнологической науки и практики, полностью отвечающая современной психотехнологической реальности и обосновывающая возможность конструктивных преобразований в данной важнейшей сфере. Что, по сути, обеспечило переход данного направления деятельности от эмпирической к теоретической стадии развития — базисного условия искомого разворота психотехнологического пространства по конструктивному вектору воздействия на качественные характеристики индивидуального и социального психического здоровья — устойчивости к вовлечению в ДСЭ все типов.

В частности, были детально проработаны следующие важнейшие позиции.

Границы определения психотехнологий

В узко-функциональном смысле, под «Психотехнологи-

ей» понимается профессионально оформляемое, структурированное поведение (действие, взаимодействие) специалиста, которое:

- предпринимается с целью определённых изменений психических кондиций у субъекта или группы;
- выстраивается в определённой последовательности, обусловленной логикой психотехнического процесса;
- закономерно приводит к достижению заявляемых целей;
- функциональная эффективность данных структурированных действий, как правило, обоснована и доказана в корректных исследовательских программах.

В более строгом, научном смысле, «Психотехнологии» — научно-практическое направление, разрабатывающее функциональные модели дифференцированной (алгоритмизированной) психической активности человека, группы, общества, прямо или косвенно направленные на достижение заявляемых прагматических целей.

В прагматическом смысле, «Психотехнологии» — это возможность идентификации и улучшения психотехнической составляющей любой формы организованной, целенаправленной активности человека, группы, общества за счет: 1) дифференциации существенных компонентов целенаправленной психической активности; 2) исследования возможностей существенного улучшения каждого из выделяемых компонентов за счёт специальных манипуляций,

процедур и более сложных агрегатов психотехнологической деятельности; 3) вывода, на основе полученного опыта, проработанного алгоритма конкретной психотехнологии.

Приведенные здесь дефиниции существенно облегчают решение собственно научных, но также и экспертных вопросов. Например, в отношении принадлежности какой-либо активно подаваемой информации или оформленного информационного продукта — к классу психотехнологий со всеми, выводимыми отсюда следствиями.

Разработанная рамочная концепция психотехнологической науки и практики (научно-практическое направление «Психотехнологии»), как состоятельной и самостоятельной научной специальности, включает следующие ключевые характеристики содержания предметной сферы, исследуемой в рамках данной специальности:

— *актуальная проблематика*, всегда присутствующая в поле современных психотехнологий: психологическая безопасность; психоэкология; психоэтика; искусственный интеллект — человек; виртуальная реальность — человек; возможные вредные последствия у человека, группы, общества в связи с использованием психотехнологий; адекватная, в том числе правовая оценка негативных последствий использования вредоносных психотехнологий;

— *особенности собственно технологического оформления* экспериментальных и используемых психотехнологий; определение специфики, включая краткосрочные, средне-

срочные и долгосрочные эффекты воздействия используемых психотехнологий на различные аспекты психической активности, адаптивные кондиции, качество жизни и социальные характеристики человека, группы, общества;

— *определение комплексной и сравнительной эффективности наиболее проработанных и состоятельных в содержательном плане психотехнологий*, таких как: консультирование (психологическое, социальное, бизнес-консультирование, консультирование без уточнения целеполагания и контактной группы); развивающие и адаптивные тренинги (психотерапевтические, психологические, социальные, тренинги без уточнений целеполагания и клиентской группы); коучинг; медиация, образовательные и воспитательные психотехнологии; психогигиена; психопрофилактика; эффективная самоорганизация с использованием ресурсов психического; иные проработанные психотехнологии;

— *идентификация наиболее эффективных методологических и содержательных характеристик по главным профессиональным спецификациям психотехнологической деятельности*: профильная научно-исследовательская деятельность; специальное образование; практическая деятельность; организация; нормативное регулирование; экспертная деятельность.

НПН «Психотехнологии» как самостоятельная научная специальность в Российской Федерации признается пока что на уровне самоорганизованного научного сообщества

(конкретно — международными общественными организациями «Международная академия научной психотерапии», «Международный ученый совет по психотерапии»). Однако, с учетом актуальности рассматриваемой проблематики существует высокая вероятность признания данной научной специальности на государственном уровне.

Далее, была разработана системная классификация современных — т.е. присутствующих и активно используемых в информационном пространстве — психотехнологий. Особенность настоящей классификации заключается в том, что структурные уровни представленных здесь психотехнологий выводятся на основании наиболее существенных признаков проработанной предметной сферы психотехнической традиции, науки и практики. Что, собственно, и характеризует разработанную классификацию как «эпистемологическую», а не только «онтологическую», сложившуюся в результате стихийного развития.

Несущая структура, содержание и общий идиоматический контекст, в котором реализуется функциональная активность дифференцированных уровней такого рода систематики, обеспечивают выполнение следующих требований, предъявляемых к состоятельной эпистемологической классификации: 1) полноценный охват предметной сферы рассматриваемого вида деятельности без каких-либо изъятий; 2) отсутствие методологических разрывов в классификационной (функциональной) карте охватываемого вида де-

тельности; 3) наличие существенных отличий у выделяемых уровней; 4) понятный механизм системного взаимодействия дифференцированных уровней; 5) перспективный вектор развития у каждого выделяемого уровня; 6) используется четкая, однозначная формулировка и прописанный функциональный смысл выделения определенного уровня или подуровня настоящей классификации.

Другой существенной особенностью подхода, используемого в разработке настоящей классификации, является приоритет культурно-исторического принципа структурирования психотехнологического пространства. Культурно-исторический принцип, соответственно, включает исторически сложившееся функциональное целеполагание рассматриваемых секторов психотехнологической активности, а также их дифференциацию по номинации ареалов первичных уровней адаптивной психотехнической практики:

- ареал архаических сакральных обрядов, обычаев, праздновств;
- ареал первородных гностических (магических) практик;
- ареал религиозных психотехнологий;
- ареал духовных практик и психотехнологий;
- ареал сложившихся социальных идиом и бытовой практики индивидуальной, групповой и социальной самоорганизации;
- ареал профессиональных психотехнологий, основан-

ных на научных данных:

— ареал авангардных наукоемких психотехнологий, в том числе цифровых психотехнологий.

Далее, каждый из выделенных ареалов дифференцируется на соответствующие уровни, подуровни, классы, подклассы — на основании следующих системообразующих признаков: системы адаптивных координат; скрытых или явных эпистемологических допущений; профессиональной принадлежности;

научной принадлежности; функционального целеполагания; дифференцируемых мишеней (точек приложения); основных групп пользователей; основных групп исполнителей; специфики психосенсорной среды и психосенсорных сигналов; собственно психотехнической, узко-понимаемой специфики (так называемая психотехническая «генетика»).

Наиболее приоритетным психотехнологическим сектором на ближайшую перспективу, с учетом всех обстоятельств, является ареал авангардных наукоемких психотехнологий (данные психотехнологии должны обеспечить искомый прорыв в сфере форсированного развития ресурсных характеристик индивидуального и социального психического здоровья, а также очевидный выигрыш в конкуренции с парапрофессиональным психотехнологическим сектором); специализированная группа экспертных психотехнологий, обеспечивающих эффективное управление качеством психотехнологической деятельности, с понятными перспекти-

вами.

Другими важнейшими концептами технологического уровня, имеющими непосредственное отношение к проблематике повышения эффективности и качества используемых помогающих и развивающих психотехнологий, являются: структура адаптивно-креативного цикла (с учетом важности для понимания механизмов как вовлечения, так и формирования устойчивости к вовлечению в ДСЭ всех типов, данная функциональная структура описывается более подробно); концепция психопластичности; модель трехуровневой психотехнологической коммуникации. Именно в такой последовательности мы и будем продвигаться в анализе следующих достижений рассматриваемого технологического уровня.

Функциональная структура (модель) адаптивно-креативного цикла

Под адаптивно-креативным циклом понимается структурированный — по определенным функциональным типам, этапам и фазам — процесс адаптации субъекта к каким-либо проблемным для него ситуациям, обстоятельствам, состояниям. При этом под проблемной ситуацией понимается такое стечение субъективно сложных для человека обстоятельств, для которых характерны: 1) особая значимость; 2) более или менее выраженный временной прессинг; отсутствие очевидно правильного решения; 4) наличие признаков

адаптационного напряжения или «провала».

Обозначение каждого этапа и фазы адаптивно-креативного цикла, как, собственно, и самого этого концепта, отражает функциональную суть идентифицированных фрагментов адаптационной активности субъекта, но также и сущностную «подсказку» в отношении наиболее адекватного вектора конструктивной психотехнологической активности в каждый момент времени проведения соответствующего психотехнического процесса. То есть концепт адаптивно-креативного цикла, помимо прочего, выполняет еще и прагматическую задачу определения системы функционально понятных для специалиста-психотехнолога адаптивных координат гипотетического клиента, учет которых способствует существенному повышению эффективности психотехнологического процесса.

Адаптивно-креативный цикл, соответственно, представлен следующими этапами, фазами и вариантами их прохождения.

Этап адаптационной стабильности — напряжения.

Особенностью *конструктивного варианта* прохождения данного этапа является существенное сокращение длительности, а также минимальная выраженность признаков адаптационного напряжения и состояния деморализации на заключительных фазах прохождения данного этапа. В то же время для *кризисного варианта*, наоборот, характерны рас-

тягивание длительности или даже «застревание» субъекта на заключительных фазах рассматриваемого этапа и максимальная выраженность состояния деморализации. Антиресурсный статус деморализованного субъекта в этом случае объективно препятствует абсолютно необходимому здесь креативному синтезу обновленной адаптивной стратегии. Отсюда понятно, почему для клиентов, пребывающих на данном этапе адаптивно-креативного цикла, синдром деморализации является основной мишенью для конструктивных психотехнологий.

Этап мобилизации креативно-пластических ресурсов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.